

О. А. Жукова⁴

СТРАТЕГИЯ ДИАЛОГА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Тема диалога культур и цивилизаций, оказавшаяся в последнее время в центре внимания философских и социально-гуманитарных наук, определила и самостоятельное направление международной политики. Она выражает новый принцип взаимоотношений политических субъектов, в основе которого — идея гармоничного сосуществования и устойчивого развития мирового сообщества. В условиях глобализирующегося мира резко возрастают частотность и глубина межкультурных и межличностных коммуникаций, возникающих в ситуации открытости рынка труда, обмена интеллектуальными ресурсами и технологиями, свободы передвижения товаров и капитала, широких культурных взаимодействий. В связи с этим возникает потребность осмыслить новый формат постиндустриальной цивилизации и оценить масштаб трансформаций, происходящих в национальных культурах с целью выработки своего рода оптимальной фор-

мулы социально-культурного развития. Особый интерес представляют международно-правовой и философско-культурологический аспекты проблемы диалога культур. Отметим, что основополагающие цели сформулированы в документах ООН и ЮНЕСКО, резюме и декларациях международных форумов. Тема диалога впервые была обозначена как стратегическая цель ЮНЕСКО в рамках среднесрочной программы 2002–2007 годов для поддержки и утверждения таких принципов и ценностей, как сотрудничество в целях мира в области образования, науки, культуры, интеллектуальной и нравственной солидарности человечества. Справедливо говорить, что диалог в качестве разрешения противоречий во взаимоотношениях различных национальных и этнических культур, обеспечения сохранности духовно-религиозных традиций, в соединении со стратегической целью становления глобального гражданского общества, может толковаться как ведущая стратегия развития современных субъектов исторического процесса.

Оценивая общий тренд процессов, происходящих на уровне международных отношений, следует обратить внимание на формирование новой этической парадигмы. Ее можно было бы назвать этикой культурного взаимодействия, призванной обеспечить эффективность и непротиворечивость множественных социальных, политических и межкультурных взаимодействий. Основные принципы современной этики международных отношений изложены во Всемирной декларации о культурном разнообразии, принятой в ноябре 2001 года Генеральной Конференцией ЮНЕСКО на 21-й сессии и определенной Коитиро Мацуура следующим образом: диалог как гарантия мира — это категориче-

⁴ Профессор кафедры культурологии Московского педагогического государственного университета, доктор философских наук. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Актуальность традиции: художественное творчество в истории русской культуры», «Русская культура: онтология Слова и Образа», «Метафизика творчества: искусство и религия в истории культуры России», «Лекции по истории русской культуры».

ское «нет» теории неизбежности конфликтов. В данном контексте диалог начинает выступать в качестве генерального способа передачи социального опыта, повышающего эффективность межкультурных и межличностных коммуникаций. Разработка положений этики культурного взаимодействия была продолжена резолюцией «Глобальная повестка дня для диалога между цивилизациями», а также «Права человека и культурное разнообразие» в 2001 году. В конце 2002 года появился документ под названием «Культура и развитие», а 21 мая стал теперь «Всемирным днем культурного разнообразия во имя диалога и развития». Таким образом, можно заключить, что разнообразие, диалог и развитие в мировом сообществе XXI века понимаются в качестве механизма оптимизации культурных ресурсов человечества и, одновременно, как главный принцип политических отношений, представляя собой формулу устойчивого развития и эффективного взаимодействия политических и иных субъектов между собой.

Глобальный проект современности охватил всех субъектов исторического развития. При этом стратегия диалога на внешнеполитическом уровне, как правило, определяется качественными характеристиками национальной стратегии культурно-политического развития, репрезентируемой в том числе в философии и практике культурного диалога. Культурологический поворот, происходящий сегодня в историческом и социально-философском знании, позволяет ученым сосредоточить свое внимание не только на высоких традициях культуры, но и на слабо рефлексированных, неспециализированных практиках культуры, укорененных в повседневной жизни. Подобный интерес вызван тем обстоятельством, что культура повседневности, в отличие от высоких специализированных практик культуры и от культуры обыденной, в условиях современности все чаще берет на себя функции трансляции и актуализации культурных традиций, когда опыт непосредственного проживания человеком времени своей жизни становится необходимым моментом его социализации и культурной самоидентификации.

Казалось бы, последний сюжет выводит нас на экзистенциальную проблематику. Но она все же тематизирована концептом культуры и культуры трансформирующейся. Потому наш научный интерес, прежде всего, связан с необходимостью описания и интерпретации процессов трансформации культурных реалий, духовных и художественных традиций, культурных институтов, сложившихся в домодерную и модерную эпоху и получающих новый контекст существования в эпоху постмодерна с его парадоксальным синтезом противоречий. Они проявляются, с одной стороны, в процессах глобализации—локализации национальных культур как субъектов исторического творчества, с другой, деиндустриализации—реиндустриализации экономик на основе информационных технологий, с третьей, деурбанизации—реурбанизации социально-культурного ландшафта, десакрализации—ресакрализации высоких культурных практик — художе-

ственных, религиозных, политических, наконец, демифологизации—ремифологизации общественного и индивидуального сознания.

Настоящие процессы в полной мере проявляют себя в российской современности. Сила их такова, что проблема сохранения целостности страны, удержания ее в геополитических рамках исторической России представляет собой самостоятельную задачу. Здесь важны и политическая воля, и консолидированные усилия различных субъектов общества, и философская рефлексия по поводу исторического и культурного опыта нации. Вторую сторону этой проблемы составляет культурная самоидентификация. Логика развития стран — наследниц западно-европейской культуры привела к технологическому перевооружению и активной трансформации социокультурных практик. Глобализация уверенно выступает в качестве безальтернативного проекта современности. Одна из ее контртенденций — попытка сохранения национальными культурами своих традиций. Так, Япония осваивает вариант глокализации, идя по пути синтеза локальной культуры с мультикультурным миром, другая древнейшая цивилизация, такая как Иран, формирует свою идентичность на фундаменте религиозных ценностей и национального патриотизма. Индия, продолжая оставаться «заповедником» архаической и средневековой ментальности, тем не менее, прорывается в постиндустриальное общество через освоение информационных технологий. Китай, не отказываясь от идеи «срединного» самодостаточного центра цивилизации, охотно модернизируется на уровне научных и образовательных технологий. Какой путь в ситуации жесткой геополитической и исторической конкуренции избирает Россия? Предлагает ли она свой проект бытия человека в современном мире, способный, во-первых, сохранить ее как культурно-историческое целое, во-вторых, стать основой идей, ценностей, идеалов и практик, разделяемых и желаемых своим народом и вдохновляющих других?

На наш взгляд, основным моментом, выводящим на проблему исторической памяти и культурной самоидентификации российской нации в глобальном проекте современности, будет характер и способ наследования культурной и политической традиции. Важно понять и оценить способы сохранения России как исторического и культурно-политического субъекта. Альтернативы могут быть следующими: либо консервация и неизбежная рутинизация традиции, либо радикальное ее обновление вплоть до полного разрыва, либо переосмысление и творческое развитие. Собственно только последний вариант по-настоящему жизнеспособен. Именно он может быть сформулирован как цель и задача созидательной деятельности во всех сферах жизни российского общества — гражданско-политической, хозяйственно-экономической и культурно-образовательной. Такой творческий путь решения вопроса исторического бытия России может стать основой культурно-исторического проекта обновления и возрождения страны.

Драма России в XX веке заключалась в том, что рывок в современность был построен на разрыве традиции. Творческое развитие казалось невозможным: традиция представляла как архаика и рутина, как безжизненный традиционализм социальных и политических форм, как «неконвертируемое» в будущее прошлое. Историческое самосознание нации и сегодня не преодолело этого разрыва метафизических и инструментальных ценностей. Чрезвычайно важно, на наш взгляд, понять соотношение традиции и традиционализма в современной российской истории, переживающей новую волну модернизации, осмыслить свое прошлое и настоящее в горизонте образа будущего, причем точкой опоры здесь должно стать не реставрируемое прошлое, а возвращающееся будущее, т. е. творчески переосмысленное прошлое, увязанное с реалиями настоящего. Настоящая процедура рефлексии характеризует осложненный процесс культурной самоидентификации современного человека, подчеркнутый темой преемственности политической традиции России и наследия русской культуры в советскую эпоху.

Как нам представляется, процесс изучения национального культурно-исторического наследия «запустит» и активизирует процедуру философской рефлексии, которая возьмет на себя столь необходимую функцию смыслообразования и послу-

жит стержнем культурной самоидентификации нации. Здесь мы сталкиваемся с той же задачей, которая стояла перед русскими мыслителями. Вслед за И. А. Ильиным, восстанавливая историческую преемственность в качестве основы культурной и политической идентичности нации, можно сказать: «Кто хочет познать народ, увидеть его в истинном свете и справедливо судить о нем, тот не может довольствоваться лишь интересом к “последним новостям” на страницах газет, — он должен заглянуть в его *историю*, попытаться понять способ организации его *труда и хозяйствования*, изучить склад его *характера и дарования его души*, вдуматься в его *культуру*, уяснить себе его *религию и благочестие*, открыть для себя его *искусство*, проникнуться его *правосознанием в быту и в политике*, прислушаться к его поэзии и — понять»¹.

Понимание, к которому призывает философ, — это исходное условие диалога. Историческая диалектика прошлого, настоящего и будущего определяет собой логику преемственности и культурной самоидентификации. В фокусе такого диалога и находится исторический образ России — ее реальная, а не мифологизированная культурная история и перспектива будущего, которая совершается (а для истории уже вершится) в спектре возможностей глобального мира.

¹ Ильин И. А. Собрание сочинений : в 10 т. М., 1997. Т. 6. Кн. III. С. 7.